

Глава 3¹.

Новая роль ВС России и других силовых структур в поддержании стабильности в мире, в парировании возникающих угроз, обеспечении безопасности страны.

А.С.Куликов, Президент Клуба военачальников РФ,
министр внутренних дел(1995-97),
заместитель Председателя Правительства РФ–
министр внутренних дел (1997-98)

В концептуальном подходе к вопросам парирования угроз национальной безопасности на протяжении многих десятилетий преобладала точка зрения об угрозах извне, связанных с возможной агрессией против СССР. Потенциальные источники угроз внутреннего происхождения учитывались лишь как исключительные проявления маловероятных социальных противоречий, для локализации и нейтрализации которых достаточно обычных сил и ресурсов правоохранительных органов.

В послевоенный период такой подход был отчасти оправдан, т.к. в стране, сконцентрированной на восстановлении народного хозяйства и укреплении обороноспособности в условиях нарастающей холодной войны, внутренние конфликты объективно не могли получить такого критического развития, которое требовало бы пресечения силовым путем. Отдельные всплески негативных энергий (вроде событий в 1962 году в г. Новочеркасске) признавались покушением на массовые беспорядки (то есть общеуголовным деянием) и в условиях цензурированной информационной среды не могли стать достоянием широких масс и транслировать в общество соответствующие настроения. Патриотический дух народа, залечивавшего военные раны, также не мог быть поколеблен ни отдельными ростками диссидентства, ни скромными условиями жизни и быта большинства граждан страны, которые в целом были уверены в определенных, реально

---

¹ В книгу "Оборонная мощь России - прошлое, настоящее, будущее":

предоставляемых социальных гарантиях (право на труд, образование и бесплатное здравоохранение и пенсионное обеспечение) и в основной массе вполне искренне довольствовались для себя простым и таким великим пожеланием: лишь бы не было войны!

На этапе перестройки и особенно в постперестроечный период возникли новые общественные процессы, развитие и сочетание которых с внешними факторами имело разрушительные последствия и для государства, и для геополитического устройства мира на евразийском континенте. Обострившиеся в 80-е годы конфликты в Нагорном Карабахе, Приднестровье, волнения в республиках Средней Азии, наконец, вооруженные конфликты в Северо-Кавказском регионе выявили скрытую силу глубинно накопленных и неразрешенных внутренних антагонизмов, во многом сходных по выражению, но имевших в каждом случае и свои особенные причины. Способ и последствия разрешения этих противоречий в ряду с другими существующими в государстве проблемами уже в 80-е годы прошлого столетия показали опасность недооценки внутренних угроз, приведшей к глубокому системному кризису во всех сферах жизни. Инерция этой недооценки со стороны политического руководства, мало подготовленного и мало озабоченного обеспечением безопасности государства, сохранялась вплоть до конца XX века. С утверждением в 2000 году Военной доктрины Российской Федерации официально вошло в лексикон понятие внутренних угроз военной безопасности и раскрыто их содержание.

Всего в доктрину включено шесть основных угроз. На наш взгляд, их можно было бы разделить на две группы, направленные на: а) дестабилизацию институтов государства, ослабление и даже слом конституционной законности и системы власти; б) глубокую криминализацию общественных отношений.

На встрече с участниками Международного клуба "Валдай" 12.09. 2008 Президент Российской Федерации Д.А. Медведев назвал и ряд новых угроз, с которыми не считаться нельзя, и каждая из них актуальна для России: "В течение последующих 10 лет угрозы, которые будут угрожать нам всем, будут совершенно другими по сравнению с теми, о которых мы говорим сегодня: это изменение климата, это всеобщий энергетический кризис, это кризис финансового мира, это кризис продовольствия, это кризис воды. Я считаю, – сказал Президент, – что **проблему всеобщей безопасности уже время рассматривать под углом этих вызовов...**".

В самом деле, кризис финансового мира уже сегодня позволяет реально понять масштаб этой новой угрозы. По опубликованным данным, только за пять месяцев 2008 года и только 25 известных предпринимателей российского происхождения из списка Forbes потеряли свыше 230 млрд. долларов США (или 62% своего состояния)². Наивно полагать, что кризис не отразился на состоянии тех бюджетных вложений в западные капиталы, которые, вопреки здравому смыслу и разумному хозяйствованию, были направлены в чужую экономику, а не на развитие отечественного производства и социальной сферы. Еще более наивно предполагать, что эти потери для экономики и бюджета незначительны, зная, с каким трудом в казне находятся несопоставимо меньшие ресурсы для самых неотложных социальных нужд. Убытки и иные последствия кризиса, отмеченные внутри страны, также не дают оснований не заметить случившегося³. Наряду с этим, многие субъекты хозяйственной деятельности в разгар кризиса (и по этой же причине) сократили объем производства либо начали "оптимизацию" организационно-штатных структур, в результате чего многие специалисты (наиболее перспективного возраста), набравшиеся опыта работы в рыночной

---

² <http://www.vz.ru/economy/2008/10/13/218447.html>

³ Отток частного капитала из России в сентябре 2008 г. составил 25 млрд. долларов США, а за III квартал 2008 г. – 41,7 млрд. долларов. Финансовые эксперты объясняют это таким образом, что, во-первых, глобальные банки нехватку денег компенсировали сбором ликвидности дочерних структур, а во-вторых, население тоже среагировало на кризис скупкой валюты// газета "Ведомости", 6.10.2008 года, <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/10/06/163655>

экономике, получили билет на биржу труда. В России, всего за два десятилетия пережившей не один социально-политический и финансово-экономический коллапс, экономическая нестабильность, неуверенность в будущем создают угрозу социального взрыва, чреватого последствиями, близкими к фатальным. Указанные факторы в сочетании с рядом других внутренних и внешних воздействий способны сугубо гражданский по характеру конфликт перевести разряд военного.

Из названных в Концепции военной безопасности основных внутренних угроз, по нашему мнению, к первой группе относятся: попытка насильственного свержения конституционного строя; противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране; планирование, подготовка и осуществление действий, направленных на дезорганизацию функционирования федеральных органов государственной власти, нападения на государственные, хозяйственные, военные объекты, объекты жизнеобеспечения и информационной инфраструктуры; создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооруженных формирований.

Ко второй группе могут быть отнесены: незаконное распространение (оборот) на территории Российской Федерации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий; организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации.

Разумеется, это деление весьма условно, поскольку угрозы одной группы могут быть условием существования или реализации другой. К

примеру, незаконный оборот оружия и боеприпасов является как обеспечивающей составляющей деятельности незаконных вооруженных формирований, так и самостоятельным видом преступной деятельности, имеющей только корыстную направленность (теневой бизнес). А террористическая деятельность приемлема как в практике субъектов, осуществляющих целенаправленную работу по подрыву национальной безопасности, так и в общеуголовной преступности.

В некотором смысле и для угроз внешней и внутренней безопасности есть немало точек соприкосновения, на которых грани между ними размываются. Например, финансирование международными наркокартелями незаконных вооруженных формирований, осуществляющих подрывную, диверсионную, террористическую и иную преступную деятельность. Или деятельность транснациональных преступных сообществ, осуществляющих торговлю людьми, человеческими органами и биологическим материалом, наркотиками.

Вообще же, в глобализирующемся мире все отношения, связи, процессы и проблемы имеют тенденцию к взаимопроникновению и взаимозависимости. В таком случае закономерен вопрос: имеет ли практическое значение ранжирование угроз на внешние и внутренние, на внутренние – по объектам потенциальной направленности? На наш взгляд, да. Поскольку противодействие им является сферой прямой ответственности разных субъектов военной организации государства, разных институтов власти, сферой приложения усилий разных институтов гражданского общества. Это, однако, не исключает их сотрудничества, напротив, требует более скоординированного взаимодействия. **Это и есть та ключевая задача, которая определяет их будущую роль в противодействии угрозам.**

Анализ угроз внутренней безопасности в их сопоставлении с фактическим развитием общественных процессов позволяет говорить о том, что **внутренние угрозы, будучи определенным образом управляемыми,**

могут использоваться как ускоритель и даже как способ реализации внешних угроз. Отдельными политиками и военачальниками национальные интересы, основу которых составляют государственный суверенитет, территориальная целостность, социально-политическая стабильность общества, свободный доступ к жизненно важным экономическим и стратегическим зонам и коммуникациям, рассматриваются как основные цели, на которые направлено острие новых угроз безопасности. Следовательно, угрозы внутренней безопасности сегодня не менее актуальны, чем угрозы в сфере внешней безопасности.

При прогнозировании возможности развития любой из существующих угроз следует исходить из оценки состояния общества и основных сфер жизнедеятельности государства. Ведь каждая из существующих угроз внутренней безопасности в сегодняшней России, будучи перенесенной в матричном измерении на жизнь любой другой страны, и там может быть признана объективно возможной. Но не в каждой стране существуют условия для её материализации в такой степени, как эта опасность потенциально реалистична в современной России.

Содержание названных угроз понятно всем, кто имеет отношение к сфере национальной безопасности. Поскольку в динамичном мире угрозы тоже не могут оставаться неизменными, их перечень дополняется (что справедливо отметил Глава государства), следует остановиться на тех угрозах, которые возникли внутри российского общества и особенно актуализировались в последние годы.

Условия, в которых выстраивается экономическая и социально-политическая структура нынешнего российского общества, хотя уже совсем не те, что в 90-е годы XX века, но пока ещё отличаются нестабильностью. Одной из важных предпосылок, предопределяющих наличие внутренних угроз военной безопасности, является **неустойчивость отечественной экономики**, её глубокая зависимость от сырьевой составляющей, медленное

восстановление высокотехнологичных отраслей промышленности, в том числе ВПК (главным образом связанных с утратой кадрового потенциала и базы для его подготовки), существенное отставание в сфере производства конкурентоспособной на мировом рынке продукции машиностроения, сохраняющаяся зависимость от экспорта продовольствия и товаров массового спроса, продолжающийся исход интеллектуальной элиты, не нашедшей стимулов и достойного применения в отечественной экономике и науке.

Крайне неблагоприятна ситуация, связанная с состоянием самого социума. Наиболее критичным показателем его является демографический. Развивающаяся тенденция депопуляции населения выдвигается на передний план в качестве самостоятельной угрозы национальной безопасности. Принимаемые меры по регулированию демографической политики пока не позволяют иметь в стране такие контингенты населения, которые по своим показателям могли бы приблизить к уровню достаточности количество людских мобилизационных ресурсов и качественно комплектовать Вооруженные Силы страны в соответствии с их предназначением, задачами и характером военной доктрины. Для демографического развития России важны даже не сами тенденции изменения рождаемости, а те последствия, которые эти тенденции вызывают и проявляются в следующем:

Во-первых, за последние 15 лет в результате естественной убыли население сокращалось до миллиона человек ежегодно.

Во-вторых, депопуляция охватила не только высокоурбанизированные регионы Центральной Европейской части, Урала, но и Сибирь, Дальний Восток, но даже ряд республик в составе России с традиционно положительной динамикой рождаемости.

В-третьих, наиболее сильно депопуляция распространилась на основной этнос – русских, что представляет собой не столько этническую, сколько общегосударственную проблему.

В-четвертых, демографический фактор дестабилизирует развитие социально-экономической сферы, а именно: разнонаправленно меняется потребность в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах и других учебных заведениях; колеблются предложения и спрос на рынке труда; Вооруженные Силы и другие войска испытывают трудности в обеспечении призыва и эта проблема в обозримой перспективе сохранится.

Наконец, отрицательное влияние оказывают такие факторы, как миграционный отток из приграничных районов и сокращение трудового потенциала, прежде всего, Сибири и Дальнего Востока, проникновение на обезлюдяющие территории иммигрантов, в том числе нелегальных, из сопредельных густозаселенных стран, к тому же имеющих территориальные претензии к России; нарастание социальной напряженности в ряде районов в результате концентрации там беженцев и вынужденных переселенцев, разрушение российского интеллектуального и трудового потенциала в силу эмиграции научно-технической интеллигенции, состояние здоровья и образования населения. Все это объективно существующие угрозы, осложняющие обстановку в сфере национальной безопасности государства и условия подготовки людских ресурсов в интересах обороны России и обеспечения общественной безопасности и правопорядка в стране.

Утвержденная Указом Президента Российской Федерации № 1351 от 9.10.2007 г. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года указывает основные направления работы общества и государства, от которых зависит достижение целей демографической политики. В частности, от успешного решения широкого круга задач социально-экономического развития, включая обеспечение стабильного экономического роста и повышения благосостояния населения, снижение

уровня бедности и уменьшение дифференциации по доходам, интенсивное развитие человеческого капитала и создание эффективной социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, социальная защита населения), рынка доступного жилья, гибкого рынка труда, улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки. Иначе говоря, Концепция называет провальные места в социальной и экономической политике, послужившие первопричиной глубокого демографического кризиса.

Серьезной проблемой остается **несбалансированность интересов государства, общества, различных социальных групп и личности.** Калейдоскоп правительств, сменявших друг друга в конце 90-х годов, оставил в общественном сознании негативный след непонимания, недооценки государством конкретных интересов социальных слоев. Минимизация властью своей ответственности за обеспечение жизненно важных интересов, прав и свобод населения в целом, и каждого человека в отдельности, нанесла огромный урон психологии и нравственному здоровью населения, подорвала доверие к власти. Выросло поколение, которому понятия "Отечество", "патриотизм", "гражданский и воинский долг" внушались с глумливым оттенком того, что следовать им – удел убогих, способных существовать в стаде и не более того, поколения, для которого символом мужества является не ратная служба, а "подвиги робинзонов" в коммерческом ТВ-проекте "Последний герой".

Конечно, в Вооруженных Силах Российской Федерации существует немало проблем, которые своей совокупностью отпугивают молодежь и делают военную службу малопривлекательной. Это и пресловутые неуставные отношения, и имеющиеся проблемы в обеспечении. Работа по их устранению ведется и в направлении расширения гражданского контроля за организацией военной службы призывников, и в части увеличения бюджетных ассигнований на развитие и оснащение Вооруженных Сил. Все

это подчинено улучшению условий службы, в том числе и для того, чтобы будущий солдат в ожидании призыва не думал, как его избежать.

Даже самая мощная военная организация в полном смысле сильна лишь тогда, когда опирается на мотивированное поведение граждан, осознающих свою ответственность за судьбу своего государства, которое, в свою очередь, учитывает и обеспечивает интересы гражданина. Невысокая мотивация населения на заинтересованное партнерство с государством отрицательно сказались и на качественном составе кадров Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Поэтому перед политическим руководством, силовыми министерствами и ведомствами на ближайшие годы воспитание и подготовка высокопрофессиональных, физически крепких и патриотически настроенных кадров для нужд обороны, безопасности и правоохранительной сферы должны стать такой же первостепенной, дорогостоящей и неотложной задачей, как и те проблемы, которые легли в основу приоритетных национальных проектов.

Распад супердержавы – советского государства, осуществленный росчерком пера, показал, что иммунитет нации снизился до уровня, на котором не проявляются признаки гражданской ответственности за будущее страны. Запущенный новым лидером нации, желавшим завоевать симпатии региональных чиновников, призыв: "берите суверенитета столько, сколько проглотите", немедленно породил кумулятивный эффект роста сепаратистских настроений и экстремизма во всех его проявлениях. Перед страной возникла новая **внутренняя угроза – расшатывание и подрыв основ федерализма**. Было бы неоправданно считать, что осуществленные в последние годы меры по укреплению вертикали власти и федеративной политики до конца исчерпали проблему. Вирус сепаратизма достаточно живуч и сохраняет способность к воспроизводству, а ксенофобные настроения легко поддерживаются в **условиях** социального расслоения.

Экстремизм, на наш взгляд, является первоосновой внутренних деструктивных явлений, с которыми столкнулась Россия в 90-е годы, и чреват длящимися разрушительными последствиями. Он без труда вписывается в конфессиональный и этнический контекст на бытовом уровне и способствует доведению социальной напряженности до порога, за которым неизбежна дестабилизация общественного порядка и общественной безопасности. В последние годы официально признано, что антикультура межнациональных конфликтов имеет привнесенный характер. Эффективнее всего эксплуатируется религиозный фактор. Так было и в период конституционного кризиса в Чеченской Республике. Такие признаки отмечаются и сейчас, в том числе в той же Чечне и ряде других субъектов Южного Федерального округа, в частности, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, где ситуация приняла характер постоянных террористических атак из бандитского подполья. Несмотря на завершение активной части военных действий в регионе активности незаконных вооруженных формирований, режим контртеррористических операций вынужденно вводится вынужденно часто для нейтрализации бандгрупп и ликвидации их арсеналов, пополняемых через открытые участки границ с сопредельными государствами. Гражданское население названных республик постоянно подвергается опасности и несет жертвы, даже тогда, когда целью террористических посягательств являются органы государственной или муниципальной власти, или конкретные должностные лица.

По данным, которыми на начало 2008 года располагало МВД России, на территории Российской Федерации развернули свою деятельность более 80 международных экстремистских организаций, использующих радикальную исламскую идеологию ваххабизма в качестве инструмента расшатывания государственной власти. Надо учитывать, что и многие другие организации так называемого "гуманитарного" профиля в реальности

выполняют совсем другую задачу, что находило своё подтверждение и в период военных действий на территории Чечни, и сейчас.

Тенденции к сепаратизму сохраняются и в других субъектах Российской Федерации, особенно в моноконфессиональных, где сильны клановые отношения национальных элит, а существующие возможности в недропользовании гарантируют безбедные перспективы. Признание Российской Федерацией новообразованных государств Южная Осетия и Абхазия после кровопролития, учиненного агрессией со стороны Грузии, возбудило большой интерес к возможностям повторения аналогичной провокации на территории самой России с тем, чтобы продолжить расчленение державы, осмелившейся на самостоятельные военно-политические решения. Такие "советы" со ссылкой на Устав ООН уже подсказываются экстремистам тех северо-кавказских республик, на территории которых "государство не в состоянии обеспечить права и свободы граждан". Более того, появились сообщения о планах действующей администрации США по признанию суверенитета и независимости ни много, ни мало – сразу 14 субъектов Российской Федерации. Манипулирование международным правом на наших глазах превращается в удобный инструмент холодной войны и к противодействию этому злоупотреблению нужно готовиться.

Организованная преступность и коррупция – несомненно, одна из наиболее тяжелых для преодоления внутренних угроз, все предшествующие попытки противодействия которой не принесли реального успеха ни прошлой, ни современной власти. Более того, коррупция, по ёмкому определению Президента Д.А. Медведева, превратилась в системную проблему, противоборство с которой тоже может быть только системным.

С сожалением можно отметить, что общество сосредоточилось на бытовой коррупции, с которой начинается и заканчивается почти любая публичная дискуссия. Можно понять, что рядовые люди, сталкиваясь с

поборами в социальной сфере, в администрациях, под взяточничеством понимают всю коррупцию. Настоящая, "беловоротничковая" коррупция там, где пересекаются финансовые потоки, "распиливается" федеральный бюджет, где арбитражными решениями узаконивается недружественный захват хозяйствующих субъектов и т.д. Эти процессы происходят вне поля зрения общества, т.к. многие властные процедуры остаются непрозрачными, следовательно, не контролируемые гражданским обществом. Коррупционное поведение государственных служащих дискредитирует власть, а сам государственный аппарат теряет управляемость и представляет собой угрозу внутренней безопасности. Отсутствие социально-правового контроля за состоянием противодействия коррупции и её социальной базы – организованной преступности – обуславливает их безнаказанность и укрепление позиций, обеспечивает их дальнейшую детерминированность.

Перед государством и правоохранительными органами на ближайшие годы на первый план выйдет огромная задача по формированию и становлению антикоррупционной стратегии, включающей и совершенствование законодательства, и обеспечение прозрачности административных процедур, и подготовку нового класса управленцев, и воспитание новой психологии в общественных отношениях, в которых для большинства участников коррупция была бы невозможна в силу убеждений. Добиться полного искоренения коррупции не удавалось еще ни одному государству, однако минимизировать её необходимо. Эта задача сопоставима с затратами энергии на достижение экономического превосходства и по стратегическому курсу с ней совпадает.

Организованная преступность, сложившаяся в конце 80-90 годов прошлого века как особый криминальный институт общества, изначально тяготела к сфере экономики, и в период либеральных реформ получила благоприятную возможность окрепнуть, поскольку сами эти реформы осуществлялись по криминальному типу. При переходе к рынку не было

создано защитных механизмов от преступных капиталов, более того, именно "три кита" – капиталы теневого сектора, капиталы общеуголовного происхождения (бандитизма, рэкета и т.п.) и чиновничьи коррупционные накопления – заложили фундамент российского бизнеса. Сами же реформаторы исповедовали убеждения, что субъекты теневой экономики – это головы, недооцененные в социалистическом хозяйстве, за ними будущее. К сожалению, так и случилось. Если в советский период теневики довольствовались реализацией неучтенной продукции, то сегодня они контролируют легальные отрасли производства, банки, рынки сбыта. Как, например, в Дальневосточном федеральном округе, где организованная преступность практически полностью контролирует такие важные отрасли экономики, как рыбная, лесная, золотодобывающая⁴.

Порождение организованной преступности – рейдерство (недружественный корпоративный захват), интеллектуальное пиратство, преступность в сфере высоких технологий и др. – это виды преступной деятельности корыстной направленности, огромные доходы от которых легализовать невозможно без содействия таких же преступных связей. Это не просто уголовная преступность, это угроза национальной безопасности, поскольку затрагивает не только базис системы, но и деформирует сознание той (немалой!) части общества, которая сознательно или случайно вовлечена в этот процесс.

Наркобизнес принял характер наркоэкспансии в России и является одним из наиболее масштабных и законспирированных видов деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ. Для противодействия этой угрозе представляется оправданным использование абсолютно всех возможностей и ресурсов, позволяющих своевременно выявлять и уничтожать маршруты и каналы трафика, посевы, таёжные

---

⁴ Отмечалось в ходе командировки в 2007 г. Министра внутренних дел Нургалиева Р.Г. на Дальний Восток // <http://www.rustrana.ru/article.php/print.php?nid=26594>

склады наркозаготовителей, подпольные лаборатории, пункты сбыта. Сотни гектаров как дикорастущей, так и незаконно культивируемой конопли, которых немало обнаруживается с помощью спутниковых съемок и в ходе ежегодных специальных операций "Мак", невозможно уничтожить силами только наркополицейских или милиции. В районах Сибири, Дальнего Востока к таким мероприятиям привлекаются военнослужащие и тяжелая гусеничная техника. Трудоемкость этого процесса обусловлена живучестью, присущей конопле: её мало сломать или порубить, нужно выжечь всю почву, чтобы не осталось семян, способных, пролежав в земле даже несколько десятилетий, дожидаться своего часа и дать всходы. К сожалению, и другая сторона рассматриваемой проблемы заставляет обращаться к армии: участвуя в противодействии незаконному обороту наркотиков, Вооруженные Силы снижают возможность поставки наркотиков в воинские коллективы.

Не меньшей **угрозой внутренней безопасности являются информационные войны**. В директиве Комитету начальников штабов Вооруженных Сил США "Единая перспектива-2010", определившей основные направления развития оперативно-стратегических концепций применения вооруженных сил в XXI веке⁵, подчеркнуто, что главной чертой вооруженной борьбы в новом столетии будет перенос акцента в сферу информационного противоборства, а достижение "информационного господства" станет обязательным условием победы над любым противником.

Методы ведения информационных войн начали отрабатываться ещё до появления Всемирной информационной сети её основным разработчиком – США – и доказали высокую эффективность. К сожалению, в нашей стране вопросы безопасности информационной среды в основном сводятся к защите сведений, систем, банков данных и т.п., что само по себе тоже важно. Но проблема имеет и другую сторону. В условиях беспрецедентных

---

⁵ Цитируется по источнику <http://psyfactor.by.ru/infowar2.htm>

возможностей, которые создает один только Интернет, управляемое распространение информации (диффамации) о готовящихся или происходящих событиях является эффективным психологическим оружием, способным сеять панику, возбуждать и тиражировать негативные эмоции, экстремистские настроения, призывать к неповиновению или иным противоправным действиям.

Информационное поле в глобализирующемся обществе становится полем битвы. Освещение событий на грузино-юго-осетинском театре военных действий в августе 2008 года, по мнению пусть и немногих политиков и комментаторов, но все же имело основания быть признанным проигранной информационной войной. Это нужно учитывать в будущем, тем более, что в противодействии угрозам, характерным для информационных войн, общеизвестные методы и формы предупреждения или пресечения либо неприменимы, либо малоэффективны. Общество постоянно нуждается в информации. Право на её получение относится к важнейшим конституционным правам человека и гражданина. Следовательно, на этом направлении нельзя потерять позиции либо оставлять их открытыми для противника или оппонента.

Все сказанное позволяет утверждать, что каждая из названных угроз внутренней безопасности является самодостаточной для причинения разрушительного ущерба национальным интересам Российской Федерации. **Роль институтов власти, институтов гражданского общества определяется той степенью ответственности, которая возложена на них в сфере противодействия этим угрозам, и должна усиливаться с учетом того, что сами эти угрозы приобретают новое наполнение.**

Так, считавшееся недопустимым применение Вооруженных Сил не по прямому назначению (то есть, не в связи с внешней агрессией) поколеблено ходом событий на всём постсоветском пространстве, включая и Российскую Федерацию. Деятельность незаконных вооруженных формирований в

условиях господства сепаратистского режима в Чеченской республике, разгул подпитываемого извне терроризма на Северном Кавказе и его эскалация в другие регионы страны для их подавления потребовали сил гораздо больших, чем располагали специально предназначенные для этих целей Внутренние войска МВД России и правоохранительные органы. Потребовалось существенно переработать российское законодательство, чтобы обеспечить правовые основания применения Вооруженных Сил в разрешении внутригосударственных конфликтов и при выполнении специальных задач в условиях введения соответствующих правовых режимов.

В частности, статья 17 Федерального конституционного закона "О чрезвычайном положении" предусматривает перечень задач, к выполнению которых в условиях режима чрезвычайного положения привлекаются Вооруженные Силы. В этом перечне первая группа задач, которые на территории действия правового режима решаются сугубо гражданскими средствами, – обеспечение режима въезда и/или выезда; охрана объектов жизнедеятельности, коммуникаций и объектов, повреждение которых чревато опасностью для жизни людей и природной среды; участие в спасательных операциях и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Вторая группа задач прямо связана с возможностями Вооруженных Сил – разъединение противоборствующих сторон в конфликтах, сопровождающихся насильственными действиями с применением оружия, боевой и специальной техники; участие в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований.

Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" в бланкетной форме распространяет право применения Вооруженных Сил на проявления экстремизма.

Наиболее полно в настоящее время урегулированы правовые основания привлечения Вооруженных Сил для противодействия терроризму в

Федеральном законе от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ. В частности, статья 6 существенно расширяет сферу их применения для отражения угроз национальной безопасности: пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами; пресечения террористических актов во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства; участия в проведении контртеррористической операции и для пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации. Далее в нескольких статьях закона порядок применения детализирован для каждого из указанных способов посягательства на национальную безопасность.

Эти законодательные новеллы явились следствием полученного опыта в отражении посягательств на конституционную законность и территориальную целостность страны, угроза которых преодолена не окончательно, поскольку, как уже отмечено выше: расчленение государства и его постепенное уничтожение может быть начато и достигнуто не обязательно ударами извне. В многонациональном государстве достаточно только разжечь сепаратистский костер, примером чему служит распад сначала Социалистической Федеративной Республики Югославия, а затем последующее внутри новообразованных государств столкновение внутренних антагонизмов, замешенных на взаимном этническом и религиозном неприятии, переросшем в геноцид.

Главное, на наш взгляд, необходимо иметь в виду, что это новый вид социальной войны и на этом театре военных действий нельзя победить в одиночку. Поэтому, наряду с выполнением сугубо ведомственных задач и ролей в дальнейшем построении безопасного общества и укреплении его

обороноспособности, необходимо совершенствовать межведомственное и межгосударственное сотрудничество. **Этим и определяются не столько новая роль, сколько новые задачи Вооруженных Сил и правоохранительных органов в условиях трансформации старых и возникновения новых угроз безопасности личности, общества и государства.**